

Альбер СОБУЛЬ

ИЗ ИСТОРИИ

ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789-1794 годов и РЕВОЛЮЦИИ 1848 года во ФРАНЦИИ

Перевод с французского

М.: Иностранная литература. 1960

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

Вступительная статья Анатолия Васильевича Адо

Классы и классовая борьба во время Французской революции

Проблемы труда во II году Республики (С.66-88)

Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора (А.Собуль и Ж.Рюде) (С.89-112)

Политические аспекты санкюлотской демократии во II году Республики

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_dem.pdf

Робеспьер и народное движение в 1793–1794 годах http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_rob.pdf

О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики)

Французская сельская община (XVIII–XIX века)

Крестьянский вопрос в 1848 году

Пример аграрной концентрации в области крупного земледельческого хозяйства

Приложение: Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 9 термидора ССXVII года (27 июля 2010). Дополнительные ссылки даны после статьи.

Тематические подборки текстов о термидорском перевороте

<http://diary.ru/~vive-liberta/p118774208.htm>

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

<http://diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

<http://diary.ru/~vive-liberta/p45934255.htm>

<http://diary.ru/~vive-liberta/?tag=381455>

ПРОБЛЕМЫ ТРУДА ВО II ГОДУ РЕСПУБЛИКИ

Революция 1789 года не поставила в центре своего внимания, подобно революции 1848 года и другим последовавшим за ней революциям, проблемы труда. Являясь революцией буржуазной, она позаботилась прежде всего об укреплении собственности, которую Декларация прав человека и гражданина 1793 года, как и Декларация 1789 года, объявила

неотъемлемым правом человека, после того как уничтожение феодального строя сделало ее полным и абсолютным правом.

Буржуазия XVIII века восстановила в правах «искусства и ремесла», она дала мощный толчок техническому изобретательству. Но, усиленно занимаясь проблемами техники и производства, она не рассматривала труд как особую социальную функцию. С 1789 по 1794 год она ни разу не рассматривала проблемы труда ни сами по себе, ни в их связи с трудящимися массами. Труд занимал ее только с точки зрения собственных классовых интересов. Об этом свидетельствует закон Ле Шапелье от 14 июня 1791 года, который, запретив рабочие организации и забастовки, оставил трудящихся, во имя свободы, безоружными перед лицом предпринимателей. И если Конвент ввел 29 сентября 1793 года по требованию санкюлотов всеобщий максимум, то моготаньярская буржуазия всегда рассматривала это как тактическую уступку. К тому же система таксации была поставлена в зависимость от цен на продукты питания, и указанные в ней ставки заработной платы никто не рассматривал как эквивалент затраченного труда.

Мог ли рабочий люд, силы которого были распылены между господствующим ремесленным производством и зарождающейся крупной промышленностью, который был лишен всякого классового самосознания, противопоставить свою концепцию буржуазным концепциям? Целиком поглощенный борьбой с аристократией, он почти полностью доверил буржуазии представительство и защиту своих интересов. На позиции, занятой им в отношении проблемы труда, сказалось влияние господствующих социальных и политических отношений. Развитие торговли и промышленности выдвинуло буржуазию на первый план; преобладали еще традиционные формы производства, в то время как крупная промышленность лишь начинала укрепляться. Уровень экономического развития оставался еще недостаточным, чтобы дать возможность трудящимся осознать то место, которое они как определенная социальная группа занимали в обществе, а также осознать общественное значение труда; тем более не понимали они роли труда в развитии индивидуума.

Так как буржуазия считала, что в основе социальной проблемы лежит собственность, то санкюлоты под ее влиянием рассматривали труд только в связи с собственностью.

Словарь того времени свидетельствует об этой ограниченности в понимании поставленных вопросов.

Трудящихся определяли не по выполняемой ими социальной функции, а просто по одежде, которую они носили. Рабочие одевали панталоны, пристегивающиеся к куртке, этот костюм стал характерным признаком народа — санкюлотов. Кто в этой манере одеваться вздумал увидеть социальное и в то же время политическое отличие? Это неважно. Достаточно отметить здесь, что буржуазия не ошиблась относительно

смысла этого термина: «...говоря о санкюлотах, — заявил Петион в Конвенте 10 апреля 1793 года, — следует понимать под этим не всех граждан вообще, за исключением дворян и аристократов, но лишь людей неимущих в отличие от людей имущих»¹. Собственность, а не труд определяет, таким образом, демаркационную линию.

В конце XVIII века собственники — аристократы Или буржуа — называли трудящиеся массы несколько пренебрежительно «народ» («peuple»). Фактически же внутри этой массы, от мелкой буржуазии до пролетариата, существовало множество ступеней, между которыми имелись различия, а также противоречия. Жан Жак Руссо писал в своей «Исповеди», что он родился «в семье, средства которой отличали ее от народа». Его отец был часовщиком. В связи с этим вспоминаешь столяра Дюпле, квартирохозяина Робеспьера. Часто приводили слова его дочери, жены члена Конвента Леба, которая утверждала, что ее отец, озабоченный поддержанием своего буржуазного достоинства, никогда не допустил бы к своему столу ни од-июгу из своих «слуг» («serviteurs»), то есть своих рабочих. «Столяр» Дюпле, напоминает нам Жорес, получал от 10 до 12 тысяч ливров в год за сдачу квартир в своих домах, не считая доходов от его предприятия². Словарь отражает, таким образом, неопределенность социальных границ и свидетельствует о неизгладимой печати, накладываемой ремесленным сословием на своих членов; место человека в обществе определялось в зависимости от его принадлежности к той или иной корпорации, к той или иной профессии, а не на основе труда. «Столяр» Дюпле, фактически хозяин крупной столярной мастерской, держал ли он хоть когда-либо в юности в руках рубанок, или его отец, или его дед? Возможно, никаких подробностей найти не удастся, но их следовало бы выявить в интересах написания истинной социальной истории труда.

Глава предприятия все еще сохранял свою профессиональную квалификацию, именуя себя «столяром!» или «плотником», хотя у него работало несколько десятков рабочих. Таким же был и «веерщик» Моваж, добрый санкюлот секции Фобур-дю-Нор. Тщательно просматривая его досье, можно установить, что ему принадлежала мануфактура вееров, на которой работало более шестидесяти рабочих³.

Таким образом, по документам той эпохи чаще всего невозможно установить, идет ли речь о подмастерье, мелком ремесленнике или о предпринимателе. Между одним и другим имеется множество едва заметных переходных ступеней и нюансов. Понятие труда расплывается в словах, оно еще плохо очерчено. Этот лингвистический аспект соответствует социальной реальности.

* * *

В 1789 году Париж был городом с населением от 500 до 600 тысяч жителей, из которых примерно половина добывала себе средства к существованию, занимаясь физическим трудом. Размен хозяевами в

начале 1791 года крупных денежных купюр на ассигнаты стоимостью 5 ливров для расчетов с рабочими позволил выяснить число рабочих в 41 из 48 парижских секций⁴. Их число достигало приблизительно 75 тысяч человек, а вместе с их семьями — около 300 тысяч человек.

Рабочие были гораздо более рассеяны по разным кварталам: столицы, чем в наши дни. За исключением западных кварталов, рабочих можно было встретить во всех секциях, но в самых знаменитых в истории революции секциях их было не так много. В Сент-Антуанском предместье насчитывалось 4519 рабочих, то есть в среднем 14 рабочих на каждого хозяина, в предместье Сен-Марсо — 5577, то есть 20 на каждого хозяина. Рабочие массы находились и в центре столицы. Секции между Сеной и Бульварями, вплоть до Внешних Бульваров, насчитывали 21884 рабочих. Здесь находились чулочно-вязальные фабрики и фабрики тканей, на которых было занято от 200 до 300 рабочих. В среднем же на каждое предприятие приходилось 19 человек. Секции центра (Лувра, Оратуар, Хлебного рынка) насчитывали 5897 рабочих, то есть 20 человек на каждого хозяина. Наконец, на южном берегу Сены, от Нового моста до моста Сен-Мишель, в секциях Катр-Насьон, Французского театра и Терм Юлиана было 5656 рабочих, в среднем 16 человек на каждое предприятие.

Сильная распыленность и наличие множества переходных ступеней являются, таким образом, характерной чертой парижского рабочего населения конца XVIII века. Примечательно, что в Сент-Антуанском предместье и в предместье Сен-Марсо не было ни густого рабочего населения, ни крупных предприятий. В Сент-Антуанском предместье среднее число рабочих, приходящихся на каждого хозяина, было даже ниже общей средней для всего Парижа, составлявшей от 16 до 17 человек. Среди городских народных масс самым революционным элементом являлся не фабричный пролетариат, а мелкие хозяева-ремесленники и их подмастерья. Эта ремесленная среда составляла самое энергичное крыло санкюлотства, она была движущей силой трудящихся масс.

Эти социальные условия определяли и их линию поведения, подобно тому, как некоторые противоречия являлись результатом двойственного положения ремесленной массы.

Работая и проживая бок о бок со своими подмастерьями, и очень часто сам в прошлом подмастерье, мелкий ремесленник оказывал на них решающее идеологическое влияние. Через него буржуазное влияние проникало в рабочий мир. Даже тогда, когда они находились в конфликте с хозяевами, подмастерья мелких ремесленных мастерских, прошедшие обучение у своих хозяев, часто живущие с ними под одной крышей и обедающие за одним столом, усваивали их точку зрения на решающие проблемы времени. Мелкая ремесленная буржуазия формирует рабочую психологию. Конечно, необходимо подчеркнуть имеющиеся различия. В частности наряду с независимым ремеслом было очень живуче ремесло зависимое. Классическим образцом этого ремесла были лионские ткачи.

Такие ремесленники работали у себя на дому под контролем «купца», который снабжал их сырьем и реализовал готовую продукцию. Ремесленник владел собственными инструментами, он мог даже нанять подмастерьев. Юридически он был свободен и являлся главой предприятия, он был хозяином. Экономически же он был лишь наемным работником), находившимся в тесной зависимости от купца. Интересы зависимого ремесленника и подмастерья совпадали. Перед лицом торгового капитала они требовали установления «тарифа», то есть прожиточного минимума заработной платы. Но в своих требованиях они не доходили до установления соотношения между стоимостью труда (*le taux du travail*) и величиной заработной платы, определяя размер заработной платы в зависимости от цен на предметы потребления, а не в соответствии со стоимостью труда (*la valeur du travail*). Это еще одно доказательство того, что социальная функция труда еще не ясно сознавалась. Зависимый ремесленник занимал, таким образом, промежуточное положение между подмастерьем и независимым ремесленником, непосредственно примыкавшим к мелкой буржуазии.

Что касается наемного рабочего централизованной мануфактуры, то его образ действий был при случае более независимым, напоминающим уже образ действий пролетария современного крупного промышленного предприятия. Так, например, во время забастовки на мануфактуре бумажных обоев Ревельона, вылившейся 27 апреля 1789 года в восстание. Но очень часто рабочие крупных предприятий впервые начинали работать в мелких мастерских. Они были все еще проникнуты ремесленным духом; усилению его способствовала среда, в которой они продолжали жить, то есть подмастерья, по отношению к которым они составляли незначительное меньшинство. Миру труда в его совокупности была присуща психология мелкой буржуазии, и, таким образом, подобно последней, он находился под влиянием буржуазной идеологии. Ни по своему мышлению, ни по своим действиям трудящиеся не выступали во время революции как самостоятельный фактор.

Это неизбежно привело к тому, что представлениям санкюлотов о труде и их политическим действиям были присущи серьезные противоречия. Ремесленников роднили с их подмастерьями условия существования, а часто и нищета, однако они владели мастерской и инструментами и имели вид независимых производителей. Тот факт, что

---

* Что касается политической роли наемных рабочих централизованных мануфактур, то мы хотели бы сослаться на справедливое, по нашему мнению, соображение двух немецких историков (Германская Демократическая Республика). Считая, что для окончательных выводов по этому вопросу необходимы дополнительные исследования, они вместе с тем отмечают, что А.Собуль склонен скорее недооценивать, чем переоценивать их роль. (См. рецензию Н.Heitzer и В. Wei, el на сборник «Jakobiner und Sansculotten» (Berlin, 1956) в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», № 4, 1958, S.907. — Прим.ред.).

под их началом находились подмастерья и ученики, только усиливал их буржуазную психологию. Но система мелкого производства и непосредственной продажи неизбежно противопоставляла их новой буржуазии. Поэтому социальный идеал этих ремесленников и лавочников, составлявших ядро санкюлотского движения, противоречил закону экономического развития. Они выступали против концентрации средств производства. Но они сами были собственниками. Когда наиболее передовые из них потребовали во II году установления максимума состояний, противоречие между их социальным положением и этими требованиями ускользнуло от их внимания. В своих требованиях эти ремесленники поднялись до страстных жалоб, до бунтарских порывов, но они так и не смогли разработать и составить цельную программу в том, что касается прав труда или права на труд. То же самое следует сказать и о политических группировках, которые разделяли их образ мышления, о «бешеных», эбертистах и, наконец, о самих робеспьеристах.

Знаменательно, что трудящиеся обращали все свое внимание не столько на общие проблемы, касающиеся их жизненных условий, сколько на удовлетворение своих интересов как потребителей. Не борьба за заработную плату поднимала прежде всего санкюлотов на выступления, а продовольственный вопрос. Рост или снижение цен на основные продукты народного потребления, на зерно и особенно на хлеб, затраты на (который составляли по меньшей мере половину семейных расходов,— вот решающий фактор, отягощавший или облегчавший бюджет рабочего. Поэтому санкюлоты добивались прежде всего таксации цен на продукты питания, требования «тарифа» заработной платы оставались редким явлением, и это весьма показательно для социально-экономических условий и идеологии той эпохи.

* * *

Среди всех тех черт, которыми санкюлоты характеризовали себя как социальную группу, мы не находим ясного и определенного указания на труд как на одну из необходимых черт. Санкюлоты определяли себя скорее путем противопоставления другим группам.

Социальный антагонизм:, наиболее ясно осознававшийся народом, — это антагонизм между аристократией и санкюлотами. Привилегии, земельное богатство, сеньериальные права, короче говоря, все то, что характеризует феодальное общество, — вот против чего, в лице аристократа, выступал санкюлот, будь то рабочий или крестьянин. Дворянин — это также (но только во вторую очередь) тот, кто не занимается никакой производительной деятельностью, который не работает собственными руками, считая это унижительным и опасаясь скомпрометировать себя. Это еще более усиливало враждебность. Адрес общества санкюлотов Бокера Конвенту от 8 сентября 1793 года весьма показателен в этом отношении; в нем они называют себя «артистами» (следует понимать — ремесленниками) и крестьянами. «Мы — санкюлоты

[...], бедные и добродетельные. Мы образовали общество ремесленников (artistes) и крестьян [...]; мы знаем наших друзей, тех, что освободили нас от духовенства и дворянства, от феодализма и от десятины, от монархии и от всех бедствий, сопутствующих ей»⁵. С начала 1789 года экономический кризис способствовал уточнению социальных противоречий. К основному антагонизму между санкюлотами и аристократией прибавился, по мере углубления кризиса и раскола партии патриотов 1789 года, антагонизм между санкюлотами и верхними слоями прежнего третьего сословия. Сообщение, предназначенное для Комитета общественной безопасности, указывает в плювиозе II года (январь – февраль 1794 года) на существование двух партий в секции Брута: партии народа, «санкюлотства», и партии, состоящей из «банкиров, биржевых маклеров, богачей»⁶. Здесь также не упоминается о физическом труде или делается весьма гуманный намек. Не упоминается о нем и в обращении к Конвенту от 27 вантоза II года (17 марта 1794 года), в котором «честным санкюлотам» противопоставляются не только духовенство и дворянство, но и прокуроры, адвокаты, нотариусы, а также «эти крупные фермеры, эти эгоисты, и все крупные богатые купцы»⁷. Выражает ли этот документ противоречие между имущими и неимущими? Этого нельзя утверждать: среди санкюлотов ремесленники и лавочники были собственниками. В данном случае это скорее противоречие между более или менее сознательными приверженцами некоторой концепции ограниченной и контролируемой собственности и сторонниками неограниченного права собственности в том виде, в каком оно было провозглашено Декларацией 1789 года. Кроме того, это противоречие между сторонниками регламентации и таксации и сторонниками экономической свободы. И, в конечном счете, как противоречие второстепенного порядка, противоречие между теми, кто работает собственными руками, и теми, деятельность которых не основывается на физическом труде.

Помимо этих основных моментов, документы позволяют выяснить различия и одновременно уточнить положение санкюлотов как социальной группы.

Они нападают на «порядочных людей» («les honnetes gens»), понимая под этими последними тех, кто обладает если не богатством, то по крайней мере достатком и образованием. Выражение это появляется после 2 июня 1793 года, с устранением жирондистов, когда умеренные и санкюлоты противостояли друг другу в политическом! и социальном отношении⁸. Оно обозначает главным образом буржуа – противников равенства. Если санкюлоты иронически называли своих противников «порядочными людьми», то последние не оставались у них в долгу, называя их «канальями, сбродом»⁹. Таким образом, за этими двумя выражениями вырисовывались социальные противоречия. Один документ III года дает нам ключ для понимания выражения «порядочные люди». 16 плювиоза (4 февраля 1795 года) комитет надзора 6-го округа сообщал о

бурных сценах, имевших место на общем собрании секции Ломбард, где столкнулись «люди в 40 су» и «порядочные граждане»¹⁰. «Люди в 40 су», или кратко «40 су», – это трудящиеся, которым по закону от 9 сентября 1793 года выплачивалось вознаграждение в 40 су, дабы дать им возможность присутствовать без ущерба для себя на собраниях секции. «Порядочные люди» этих 40 су не получали.

Столь же знаменательной была вражда санкюлотов к рантье, которая особенно усилилась осенью 1793 года, когда экономический кризис и трудности существования обострили противоречия. Звание рантье служило с тех пор основанием для подозрений и даже ареста. 18 сентября года революционный комитет секции Муция Сцевола приказал арестовать Дюваля, первого секретаря парижской полиции, как вдвойне подозрительного, ибо он пренебрегал собраниями секции и пользовался рентой в 2 тысячи ливров¹¹. Жан Франсуа Ривуар, бывший колонист из Сан-Доминго, был арестован 2 жерминаля II года (22 марта года) революционным комитетом секции Мон-Блан. Его обвиняли не только в определенном политическом поведении, но и в том, что он обладает рентой в 16 тысяч ливров¹². Особый случай: некий Пьер Беккерель был арестован 19 вантоза II года (9 марта 1794 года) во время полицейского обхода в садах Пале-Эгалите (теперь Пале-Ройяль) просто потому, что он заявил, что «живет на доходы от своего имущества»¹³. Здесь санкюлота, который работает собственными руками, также определяют путем противопоставления людям, не занимающимся трудом.

Враждебное отношение санкюлотов к рантье являлось лишь более четко выраженным аспектом их инстинктивной оппозиции богатым. Наиболее сознательные санкюлоты были недалеко от того, чтобы рассматривать революцию, подобно Бабефу в IV году, как войну «между богатыми и бедными»¹⁴. Но чаще всего они имели о богатых весьма упрощенное представление. Их позиция в отношении богатых была обычно чисто эмоциональной. В секции Друзей Отечества Пьер Фотьё был арестован 10 прериаля III года (29 мая 1795 года) во время репрессий против террористов за то, что он выказал во II году «чувство зависти по отношению к богатым»¹⁵.

Очень немногие документы свидетельствуют о том, что санкюлоты были способны на более глубокий анализ. Немногие ясно понимали, что в основе этого богатства, которое они презирали и которому вместе с тем завидовали, лежит эксплуатация чужого труда. Вот несколько примеров: 26 вантоза II года (16 марта 1794 года) Годфруа, торговец-галантерейщик, был арестован революционным комитетом секции Ломбард. Помимо политического поведения, ему поставили в вину то, что он владеет хлопчатобумажной фабрикой в Верноне (департамент Эр), где работает «120 женщин, стариков и детей»¹⁶. В секции Фобур-дю-Нор бывший торговец газовыми тканями Сантерр был арестован 24 жерминаля II года (13 апреля 1794 года) за то, что живет на своя доходы и «разжирел в свое

время на поте рабочих, зарабатывавших жалкие гроши» («engraisse dans tous les temps des sueurs des gagne-deniers»)¹⁷.

Таким образом, смутно вырисовывался тот факт, что противоречие между санкюлотами и богачами коренится в производственных отношениях, в различии социальных функций и деятельности. Тем самым определялось положение различных классов по отношению к труду.

Некоторые санкюлоты, которые, впрочем, приближались по своему положению скорее к средней буржуазии, пытались дать определение понятия «санкюлоты», не только противопоставляя себя другим группам, но и связывая это понятие с выполнением определенных социальных функций, то есть с отношением к труду. В этом трудном деле осознания им помогли представители монтаньярской буржуазии, видевшие спасение республики в союзе с народом. Это сделали робеспьеристы, а также, но в другой плоскости, Эбер, который убежденно, но не без некоторой доли демагогии расхваливал в своем «Отце Дюшене» «самый ценный класс» нации – санкюлотов. «Нет никого, кто мог бы сравниться с санкюлотами, – писал он в сентябре 1793 года. – Это они поливают потом землю, которая нас кормит, это они ткнут материи, которые мы одеваем, это они обрабатывают металлы и изготовляют оружие, служащее для защиты республики»¹⁸. И он противопоставлял банкиров, финансистов, торговцев и законников, «одним словом, всех пиявок, сосущих кровь санкюлотов, этим трудолюбивым ремесленникам, которые изнуряют себя работой».

Секция Пуассоньер в своем обращении к Конвенту от 24 сентября 1793 года противопоставляла, подобно «Отцу Дюшану», «богатых эгоистов» «трудолюбивой части народа, не имеющей иных средств к существованию, кроме труда своих рук»¹⁹.

Иногда мы встречаемся с высокой оценкой труда и трудящихся. Так, например, 16 мессидора II года (4 июля 1794 года) революционный комитет секции Бон-Консей отстранил трех комиссаров по производству селитры: «Они имели значительное состояние и были надменны, что не могло соответствовать чувствам их рабочих»²⁰. Санкюлот Вэнтарнье, арестованный 17 жерминаля III года (6 апреля 1795 года), на вопрос, к какой секции он принадлежит, ответил, что у него нет другой секции, «кроме секции народа и рабочих»²¹.

Этот активный санкюлот, повторяя обычное неточное определение «санкюлота», сумел, однако, дать этому понятию новое определение. Отвечая в мае 1793 года на «дерзкий вопрос: но, что же такое санкюлот?», – он заявил: «Это существо, которое ходит всегда пешком [...], которое проживает очень скромно с женой и детьми, если они у него есть, на четвертом или пятом этаже»²². Жак Ру тоже говорил о чердаках, где живут санкюлоты, а «Отец Дюшен» писал: «Если хотите познакомиться с цветом санкюлотов, отправляйтесь в жалкие лачуги рабочих»²³. Для Вэнтернье материальных условий существования уже недостаточно. Он вводит в определение санкюлота понятие о социальной полезности: санкюлот умеет

«пахать поле, ковать, пилить, крыть крыши, тачать обувь». Труд здесь определяется в зависимости от социальной полезности.

Во время репрессий III года против бывших террористов их часто упрекали в том, что они использовали в политических целях смутное понимание народом такого факта, что труд вносит в общество дифференциацию. Как указывается в сообщении от 17 нивоза III года (6 января 1795 года), бывшие комиссары секции Бонн-Нувель пытались «ввести в заблуждение многочисленный класс рабочих, проживающих в каморках»²⁴.

Донося 20 жерминаля (9 апреля 1795 года) на бывших террористов, «порядочные люди» секции Бон-Консей упрекали их главным образом в том, что они разделяли граждан на два враждебных класса. «К первому классу (как будто бы среди республиканцев должно было существовать два класса) злонамеренные лица относили купцов, лавочников, торговцев, юристов, рантье, литераторов, служащих и артистов. Ко второму [...] они причислили лишь тех достойных граждан, которые занимаются физическим трудом»²⁵.

Плохо представляя себе свое собственное положение в обществе как трудящихся, санкюлоты не имели ясного и определенного представления и о самом труде и о его социальной роли. Они не понимали, что он может сам по себе иметь социальную функцию. Они рассматривали труд лишь в связи с собственностью.

Труд – следует понимать физический труд – создает собственность, которая должна оставаться соразмерной труду. Будучи ремесленниками и подмастерьями или парцеллярными крестьянами, санкюлоты являлись мелкими независимыми производителями. Они считали, что личный труд узаконяет собственность крестьянина на его поле, ремесленника – на его мастерскую и инструменты. Таким образом, санкюлоты были крепко привязаны к мелкой собственности, которую они никогда не поставили бы под сомнение. То, чего они опасались больше всего, – это быть низведенными в результате концентрации собственности до положения зависимых рабочих, до положения пролетариев. Требуя от управления продовольствия 27 нивоза II года (16 января 1794 года) возмещения убытков одного булочника секции, народное общество секции Пуассоньер заявило, что «мелкие состояния, приобретенные путем труда, полезного для общества, заслуживают всяческого уважения и их следует охранять от любых посягательств»²⁶. Это требование санкюлоты подтвердили более или менее ясным образом в периоды кризисов. Они требовали издания законов, препятствующих концентрации собственности и средств производства и охраняющих, таким образом, независимость труда.

С этой точки зрения наиболее ясно это требование было сформулировано 2 сентября 1793 года, в момент наивысшего подъема народного движения, в адресе, направленном Конвенту секцией Санкюлотов, бывшей секции Ботанического сада. Заявив, что трудящиеся

имеют право на существование, и ограничив собственность «размером физических потребностей», она потребовала от Собрания установления твердых цен на продукты первой необходимости, фиксации размеров заработной платы, величины промышленной прибыли и доходов от торговли. Это была широкая программа регламентации экономической жизни, сводящаяся в конечном счете к установлению определенного максимума состояний. Далее они требовали, «чтобы одно и то же лицо могло владеть только одним таким максимумом; чтобы никто не имел права арендовать земли больше того, что он может обработать с помощью определенного количества плугов; чтобы каждый гражданин владел только одной мастерской, одной лавкой». Эти радикальные меры, пишет в заключение секция Санкюлотов, приведут «постепенно к уничтожению слишком большой разницы в состояниях и увеличат число собственников», то есть независимых тружеников²⁷.

Именно в этот момент революции был наиболее четко и ясно сформулирован идеал санкюлотов в вопросе отношений собственности и организации труда, идеал, соответствовавший пониманию ремесленников и лавочников, составлявших большинство парижских санкюлотов и оказывавших сильное идеологическое влияние на своих подмастерьев и приказчиков. Этот идеал соответствовал также интересам массы потребителей и мелких городских производителей, ненавидевших одновременно всех прямых или косвенных продавцов продуктов потребления и всех предпринимателей, капиталистические устремления которых угрожали низвести их всех до положения зависимых работников.

Из каких же теоретических или политических источников исходил этот социальный идеал собственности, основанной, судя по всему, на труде и ограниченной в своих размерах? Многие руководители монтаньяров или якобинцев выдвигали подобные предложения. Билло-Варенн в своих «Elements de republicanisme» говорит о том, что «сосредоточение огромного богатства в руках немногих лиц приводит постепенно к росту социальных бедствий» и, наоборот, «зажиточность наибольшего числа людей как результат труда, занятия промышленностью и торговыми операциями возводит нацию на более высокую ступень благосостояния и придает ее правительству действительное величие»²⁸. Сен-Жюст в своих «Institutions» так определил цель республики: «Дать всем французам возможность приобретать все необходимое для жизни, причем они должны будут сообразовываться только с законами и, пребывая в гражданском состоянии, должны быть свободными от всякой взаимной зависимости»²⁹; иначе говоря, каждый француз должен быть мелким собственником, независимым производителем, свободным работником, а собственность должна основываться на труде. Что касается Робеспьера, который 24 апреля 1793 года определил собственность не как естественное право, а как социальное установление, то его идеалом было общество мелких производителей: крестьянин, владеющий своим полем, ремесленник,

владеющий своей мастерской, которые позволили бы им прокормить свою семью. Жорж Лефевр справедливо подметил, что этот идеал включает в себя две задачи — моральную и социальную. «Именно человека, живущего трудами своих рук, никому ничем не обязанного, Робеспьер называет бедняком. Индивидуальное производство и очень небольшая собственность гарантируют ему независимость. Но, чтобы приобрести и сохранить эту собственность, нужна некоторая инициатива, такие личные качества, как работоспособность, умеренность и бережливость»³⁰. Хотя эта моральная задача редко получала ясное выражение, однако она не была чужда также и санкюлотам; этим объясняются некоторые выступления против праздности и роскоши.

В одном вопросе парижские санкюлоты пошли, однако, дальше руководителей монтаньяров. Последние интересовались главным образом сельскохозяйственным производством и земельной собственностью и намерены были полностью сохранить свободу предпринимательства в области торговли и промышленности. В своей Декларации прав в сентябре 1792 года, ограничивая законом «земельную собственность», Моморо объявляет неприкосновенной «промышленную собственность»³¹. Приблизительно в это же время появилось сочинение о народном управлении, в котором устанавливался максимум земельной собственности, в то время как для «роста состояний, заключающихся в движимом имуществе, как-то: деньги, государственные ценные бумаги, товары, суда и т.д.»³² — не ставилось никаких пределов. Санкюлоты были потребителями сельскохозяйственных продуктов, но они являлись также и мелкими городскими производителями, дорожившими независимостью своей лавки или мастерской, поэтому они пошли дальше. К концентрации торговой и промышленной собственности они относились столь же враждебно, как и к крупной земельной собственности. Отсюда вытекали и требования секции Санкюлотов.

Идеологическая двойственность устремлений санкюлотов, связанная с противоречивостью их положения в обществе и их представлений, является следствием социальных и политических противоречий того времени. То, что народное требование независимого труда, узаконяющего мелкую собственность, противоречило исторической необходимости эпохи, может быть доказано на одном примере. Во II году в силу потребностей национальной обороны пришлось обратиться к крупным частным предприятиям для поставок в армию обмундирования и экипировки, так как национализация коснулась только производства оружия. Заботясь о срочном выполнении заказов, правительственные комитеты вынуждены были сконцентрировать их в руках предпринимателей-капиталистов, вместо того чтобы распределить их между множеством мелких мастерских. Это распределение заказов было источником столкновений между Революционным правительством и парижскими санкюлотами в течение всего II года.

Когда в связи с кризисом начала 1793 года и вызванной им мобилизацией возросли потребности в снаряжении, секции постарались взять в свои руки экипировку добровольцев. С этой целью некоторые секции открыли мастерские, как, например, секция Тюильри. Соображения, с помощью которых она обосновывала свое решение, свидетельствуют о враждебном отношении санкюлотов к крупным, концентрированным предприятиям и к торговому капиталу и об их (санкюлотов) привязанности к независимому труду. «Во-первых, алчные поставщики, злонамеренные или неумелые, не смогут больше задерживать продвижение армий и мешать нашим успехам. Судьба свободы не будет больше зависеть от спекуляций и монополий. Во-вторых, малое число богатых предпринимателей не будет больше присваивать себе весь доход от колоссальных поставок. Он будет распределен между всеми нашими торговцами, между всеми нашими рабочими, между всеми нами. В-третьих, поскольку небольшие предприятия всегда лучше, разумнее и экономнее управляются, то с меньшими затратами мы поставим больше и наши поставки будут лучшего качества»³³. Нельзя было воздать большей хвалы мелкой независимой собственности. Но можно ли было примирить ее с колоссальными потребностями национальной обороны?

Управление по обмундированию, естественно, желало организовать крупные мастерские, в которых производство было бы поставлено на рациональную основу. В то же время оно сталкивалось с постоянным сопротивлением работниц, привыкших к свободному труду и продолжавших требовать организации мелких секционных мастерских. Таким образом, здесь противостояли друг другу две концепции организации труда, и политика правительства противоречила народным требованиям. 30 июля 1793 года комиссары 48 парижских секций заявили Генеральному совету Коммуны о том, «сколько неудобств представляет объединение в одной мастерской большого числа гражданок». Они считали «гораздо более выгодным» распределение работы между секционными мастерскими³⁴. Когда в конце концов работа была распределена между секциями, затруднения и жалобы не прекратились. Хотя секционные мастерские и соответствовали народному идеалу организации труда, они обнаружили непоправимую слабость: не располагая оборотными средствами, они вынуждены были обращаться к частному капиталу. А это означало попасть под власть предпринимателей и подрядчиков, от которой санкюлоты надеялись избавиться. Требования возобновились.

Первого октября 1793 года депутация сапожников потребовала от Конвента предоставить им одним право поставлять обувь для армии³⁵. 4 плювиоза II года (23 января 1794 года) народное общество секции Единства предложило издать закон с целью ликвидации и устранения всех подрядчиков Республики, которые с помощью своих коварных маневров добились заказов на поставку военного обмундирования и экипировки. Кто страдает от этого? «Это Республика, это бедные ремесленники (artistes),

это неимущие рабочие, которые в поисках хлеба вынуждены в силу жизненных условий просить работы у этих эгоистов и готовы выполнять ее за бесценок»³⁶. Работницы секции Инвалидов возобновили свои попытки 30 плювиоза (18 февраля 1794 года), потребовав, «чтобы изготовление одежды для солдат республики было передано мастерским секции, а не алчным подрядчикам». Общее собрание секции обязалось их поддержать, считая, «что было бы справедливо, если бы доходы от общественных работ поступали в пользу наибольшего числа людей, и притом самых бедных»³⁷; оно не сказало – в пользу трудящихся. 1 флореаля II года (20 апреля 1794 года) секция Бонне-Руж избличала аристократию предпринимателей: «Один из них, и притом самый богатый, уверен в том, что он сумеет повсюду получить самые выгодные заказы, справедливое распределение которых позволило бы множеству хороших граждан прокормить их семьи и принесло бы им дозволенный доход». Не следует допускать, говорила она, чтобы несколько предпринимателей захватывали в свои руки все заказы на работу. Необходимо, чтобы Конвент издал декрет, согласно которому никто не сможет получить заказы на поставки, если он не будет иметь свидетельства о гражданской благонадежности. У крупного предпринимателя было очень мало шансов получить подобное свидетельство от народного собрания. Что же касается санкюлота, то ему не будут чинить никаких затруднений и он примет «только ту часть работы, которая будет ему выделена, не причиняя вреда своему брату санкюлоту»³⁸. Активисты секции Бонне-Руж намерены были обратить террор против торгового капитала и крупных предприятий, так как отказ в выдаче свидетельства о гражданской благонадежности приводил чаще всего к аресту такого лица как подозрительного. Но времена изменились; весной 1794 года народное влияние ослабло. Правительственные комитеты запретили в интересах имущих классов экономический террор.

Секционные мастерские по изготовлению обмундирования не были сразу же уничтожены термидорианской реакцией, но они не пережили разгрома парижских санкюлотов в прериальские дни III года. 25 прериаля (13 июня 1795 года) Комитет общественного спасения уполномочил Комиссию по снабжению (Commission des approvisionnements) ликвидировать мастерские и бюро по распределению при Парижской коммуне и передать изготовление военного обмундирования частным предпринимателям³⁹. История возобновила свой ход. Не могло быть и речи об оказании содействия ремеслу и мелкому независимому производству теперь, когда вернулись к экономической свободе, когда деловая буржуазия рассматривала военное производство как сферу своей капиталистической деятельности. Концентрация труда, характерная для развивающейся промышленности, представляет в техническом и социальном отношении противоположность ремесленного труда.

Неспособность санкюлотов определить свое место в обществе как особой социальной группы трудящихся, непонимание ими общественной

роли труда соответствовали условиям того времени, как и концепция ограниченной собственности, основанной на личном труде.

Чтобы свободно распоряжаться своей личностью и своим трудом, санкюлоты, являвшиеся крестьянами или ремесленниками, должны были сначала ликвидировать свою зависимость от другого лица, освободиться от поземельной зависимости и от подчинения какой-либо цеховой организации. Отсюда их ненависть к феодальной аристократии, которую они тем более ненавидели, что она ничего не производила и презирала физический труд. Отсюда их ожесточение против старого порядка и его корпоративной системы. Являясь непосредственными производителями, они считали, что только личный труд узаконяет собственность. Они мечтали об обществе мелких собственников, где каждый владел бы своим полем, своей мастерской, своей лавкой. Чтобы поддержать относительное равенство, государство издало бы законы о праве наследования, ввело бы прогрессивный налог, оказывало бы помощь. Оно охраняло бы труд и восстанавливало бы мелкую собственность по мере того, как экономическая эволюция разрушала ее. Таким образом, речь шла прежде всего о том, чтобы предупредить образование монополии богатства и зависимого пролетариата. Санкюлоты не понимали, что по достижении известного уровня развития этот режим порождает ферменты своего собственного разрушения. Раздробленные средства производства переживали неизбежный процесс концентрации, а мелкая собственность множества непосредственных производителей заменялась крупной капиталистической собственностью.

Какие бы усилия ни прилагало Революционное правительство, в частности робеспьеристы, весной 1794 года, в момент наивысшего кризиса революции, в глазах народа они оказались безрезультатными. Позволила ли конфискация собственности духовенства, а затем эмигрантов и секвестр имущества подозрительных наделить безземельных крестьян хотя бы мелкими клочками земли? Достаточно ли было уничтожения цеховой системы, чтобы дать возможность подмастерьям стать хозяевами? Сделала ли революция из санкюлотов независимых тружеников?

Буржуазия, более прозорливая, утверждала между тем в противовес ремесленной концепции труда невозможность сохранения производства, основанного на личном труде, в условиях развития капиталистического производства. Приход д'Оньи (d'Augny) в бальяже Мец протестовал в своем наказе, составленном в 1789 году, по всей вероятности, каким-либо крупным собственником, против раздела общинных земель, уже осуществленного в Лотарингии и Епископствах**. «Поднятие нови разорительно для общества, так как лица, занятые исключительно на своем участке, не могут быть в помощь ни нашим земледельцам, ни нашим мануфактуристам, ни нашим предпринимателям»⁴⁰. 30 нивоза II года (19

января 1794 года) народный представитель Делакура писал: «Мы считали, что при столь значительном населении неимущий должен находить источники существования не в сельском хозяйстве, но в промышленности, торговле, в ремеслах». Особого внимания заслуживают также соображения Лозо, депутата Нижней Шаранты в Конвенте, высказанные им 22 фрюктидора II года (8 сентября 1794 года): «Большое общество являет собой достойное уважения целое лишь тогда, когда все его члены связаны между собою взаимными услугами [...]. Немыслимо, чтобы большинство народа стало собственниками, ибо в том случае, когда каждый обязан был бы обрабатывать свое поле или свой виноградник, чтобы добыть себе средства к существованию, торговля, ремесла и промышленность были бы в скором времени уничтожены»⁴¹, Нельзя уничтожить наемную рабочую силу, ее, напротив, необходимо даже сохранить. Если бы все крестьяне, все ремесленники жили на продукты своего труда, занимаясь сельским хозяйством или работая в мастерской, где бы крупные фермеры, фабриканты, пионеры крупной промышленности нашли необходимые для их предприятий рабочие руки? Монтаньярская буржуазия сама считала неизбежным превращение независимых тружеников в наемных рабочих; это было необходимое условие экономического порядка, как она его понимала. Что касается тех, кто, подобно робеспьеристам, считал необходимым вмешательство государства в пользу свободного труда и мелкой собственности, то они не смогли избавиться от собственных противоречий и 9 термидора пали их жертвой.

Санкюлоты также бились в тисках неразрешимых противоречий. Несмотря на свою враждебность капитализму, который угрожал превратить санкюлотов в пролетариев, они тем не менее были связаны с буржуазным порядком, поскольку являлись собственниками своего поля или своей мастерской или же надеялись стать таковыми. Они требовали таксации, ограничения собственности, требовали, чтобы собственность была основана на личном труде, но в то же время они отстаивали независимость лавки, ремесла и земельной собственности, становясь в этом отношении сторонниками экономического либерализма, столь дорогого сердцу капиталистической буржуазии. Эти противоречия являются отражением социального состава санкюлотов, которые, не представляя собой особого класса, не смогли ни понять своего места к обществу, ни составить последовательной социально-экономической программы. Привязанные к традиционной системе производства и к собственности, основанной на личном труде, они были осуждены на исчезновение по мере поступательного развития капиталистической организации производства, основанной на наемном труде.

Таковы некоторые аспекты проблемы труда во II году Республики, аспекты в основном социального порядка. Можно было бы рассмотреть здесь и многие другие стороны этой проблемы — технические, экономические и чисто психологические... Подчеркнем, однако, трудности

** Провинция Трех Епископств (в пределах современной Лотарингии). — Прим.ред.

исследования этого вопроса. Не говоря уже об отсутствии документов, относящихся к интересующему нас периоду и необходимых для точного социального анализа трудового мира, приходится констатировать, что народные массы вообще оставляют мало документов, а поэтому писать их историю всегда трудно. Таким образом, многие аспекты, о которых, на наш взгляд, было бы иногда опасно рассуждать по аналогии, ускользают от нас. Можно предполагать, с некоторой долей вероятности, существование противоречий между различными категориями трудящихся, так, например, между поденщиком или батраком и рабочим высокой квалификации (ювелиром, гравером или чеканщиком), создающим ценность производимого им предмета. При анализе политического состава секций мы обнаруживаем если и не эти противоречия, то по крайней мере определенную дифференциацию: квалифицированных рабочих, более сознательных и более образованных, можно встретить и среди гражданских и революционных комиссаров, чернорабочие же редко поднимаются выше простых активистов. За отсутствием документов нельзя углубить исследование; важные стороны социальной действительности остаются во мраке.

Они выясняются с развитием новой экономической организации. Плохо очерченное еще в конце XVIII века, определявшееся традиционной социальной структурой, переживавшей упадок, понятие труда будет постепенно выкристаллизовываться в ходе экономического развития, по мере того как трудящиеся будут осознавать свое место и свою роль в обществе. Труд предстанет тогда перед нами как важнейшая социальная функция.

1 Buzet et Roux, Histoire parlementaire de la Revolution française, XXV, p.325.

2 J. Jaures, op.cit., t.IV, p.1448.

3 Archives nationales, F7 477440.

4 F.Braesch, Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791, «La Revolution française», LXIII, 1912, p.288.

5 Archives nationales, C 271, pi.666, p.37.

6 Archives nationales, W 345, d.676, p.7, affaire Chardin.

7 Archives nationales, C 295, pi.994 p.27. Adresse a tous les bon sanculotte, signe Servant. Нет никакого указания, которое позволило бы установить происхождение этого чисто народного документа.

8 См. Ferdinand Brunot, Histoire de la langue française, IX, 711. Он встретил выражение «порядочные люди» в первый раз в «Народном трибуне» Бабефа (№ 35, II, 93). В действительности же оно встречается в рукописных документах с июня 1793 года.

9 25 сентября 1793 года столяр Бертю (следует, несомненно, понимать — хозяин столярной мастерской) был арестован по распоряжению секции Пик за то, что пожелал «другого правительства, дабы обуздать каналий, так как иначе порядочные люди пропали» (Archives nationales, F7 4596, pi.11, p.3). Здесь под словом «каналии» определенно имеется в виду мелкий люд. Понятия труда в этом выражении не чувствуется. См. также слова некоего Аппера, арестованного как подозрительного

брюмера II года (15 ноября 1793 года) за то, что он обвинил патриотов в том, что они якобы «применяют тактику, цель которой устранить порядочных людей и поставить на их место каналий» (Archives nationales, F7 4580, pi.6).

10 Archives nationales, D III 2564, p.128.

11 Archives nationales, F7 4699.

12 Archives nationales, F7 4765.

13 Archives nationales, F7 4592, pi.4, p.58. По свидетельству своей секции Беккерель был, однако, хорошим патриотом.

14 «Le Tribun du peuple», n° 34, 15 brumaire an IV (6 novembre 1795).

15 Archives nationales, F7 4709.

16 Archives nationales, F7 4727.

17 Archives nationales, F7 477513.

18 «La Pere Duchesne» n°283, sans date. См. также № 339. Эбер определяет в нем санкюлота следующим образом: «Бедный малый, который перебивается со дня на день и истекает потом и кровью, чтобы прокормить свою семью».

19 Archives nationales, C. 272, pi. 675, p.8.

20 Archives nationales, F7 4645. Социальное положение этих трех отстраненных комиссаров свидетельствует о том, что речь шла о классовом конфликте: один из них был аптекарем, другой — бывшим фабрикантом шляп, третий — подрядчиком строительных работ. Отягчающим обстоятельством явилось то, что они отказались от получения «вознаграждения, без которого их коллеги, настоящие санкюлоты, не могли обойтись, и, изображая себя в связи с этим верными слугами общественного дела, они присвоили себе право распоряжаться, как хозяева, людьми, более знающими, чем они».

21 Archives nationales, F7 477548. В ту эпоху слово «рабочий» («ouvrier») было синонимом слова «бедняк». Фердинанд Брюно подчеркивает, что при Консульстве и Империи в связи с ухудшением экономических и социальных условий слово «рабочий» становится синонимом слова «неимущий» (Ferdinand Brunot, op.cit., IX, 1198).

22 Archives nationales, F7 477448.

23 «Pere Duchesne» n° 339, sans date [pluviose an II (janvier-fevrier 1794)].

24 Archives nationales, F7 4736, dossier Guin.

25 Bibliotheque nationale, Lb40 1733.

26 Archives dep. Seine, D* 9 989.

27 Section des Sans-Culottes. Adresse a la Convention nationale, 2 septembre 1793. Imp. Renaudiere. Sans date, in-8°, 6 p. (Bibliotheque nationale, Lb40 2140). Эта петиция была проанализирована в работах А. Лихтенбергер, Le socialisme et la Revolution française, P. 170 (см. А.Лихтенбергер, Социализм и Французская революция, С.-П., 1907, стр.139) и G.Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur, p.78 (Ж.Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр.87).

28 Bibliotheque nationale, Lb41 2383, Paris, an I, imp. in-8°, 132 p.

Эта петиция свидетельствует о том, что требование ограничения размеров хозяйства или раздела крупных ферм, столь близкое сердцу сельских санкюлотов, осуществление которого обеспечило бы им всем независимый труд, не было незнакомо парижским санкюлотам. Однако это требование очень редко выражали ясно. Эбер упоминает о нем в № 345 своего «Отца Дюшена» (плювиоз II года): «Чтобы убить одним ударом аристократию, фермеров и торговцев, нужно разделить крупные фермы на мелкие метерии». Это требование фигурирует также в числе XVI патриотических заповедей

Палуа: «Не возделывай никогда больше одной фермы» (Archives nationales, AD I 65). Это означало бы ограничить свободу предпринимательства. Конвент, даже монтаньярский, никогда бы на это не согласился.

29 Albert Soboul, Les Institutions republicaines de Saint-Just, d'apres les manuscrits de la Bibliotheque nationale, AhRF, 1948, p.193.

30 Discours sur Robespierre, AhRF, 1933, p.492.

31 Bibliotheque hist. V. de Paris, 109586, речь идет о статье XXVII.

32 Idees sur l'espece de gouvernement populaire, qui pourrait convemr a un pays de l'etendue et de la population presumee de la France. Essai presente a la Convention nationale par un citoyen, 1792, imp. in-8°, 62 p. (Archives nationales, AD I 65). Автор устанавливает также максимум приданого, состоящего «из земельных владений или из другого недвижимого имущества». Но деньги, торговые векселя... могут быть передаваемы в «неограниченном размере». Эти идеи с очевидностью свидетельствуют об определенном социальном положении автора.

33 Bibliotheque nationale, ms., Nouv. acq. fr. 2647, f.7, L'Assemblee generale de la section des Tuileries a ses concitoyens, 4 fevrier 1793.

34 «Moniteur» (reimp.), XVII, p.281.

35 «Moniteur» (reimp.), XVIII, p.16.

36 Archives nationales, D III 255–2561, d-2, p.2. Эта петиция была отпечатана (Archives nationales, D III 255–2561 d-2, p.4, imp. in-8°, 4 p.). Она фигурирует в «Moniteur» (reimp.), XIX, p.553.

37 Archives nationales, F7* 2510.

38 Archives nationales, D III 2533, d.1, p.13.

39 Bibliotheque nationale, Ms., Nouv. acq. fr. 2652,

40 Цитируется у Georges Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur, p.40 (русское издание, стр.57).

41 «Moniteur» (reimp.), XXI, p.750.

[P.Монье. Сент-Антуанское предместье \(1789-1815\)](#)

[E.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 года](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР](#)

[II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ](#)

[III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.](#)

[IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.](#)

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)

[А.Матьез. Термидорианская реакция \(чч.1, 2\)](#)

[Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции](#)

[К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции](#)

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)

[А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века](#)

МАКСИМУМ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ в ПАРИЖЕ и СОБЫТИЯ 9 ТЕРМИДОРА

То, что экономические и социальные трудности весной II года Республики и вызванное ими охлаждение санкюлотов к Революционному правительству являются одной из коренных причин 9 термидора, никто сегодня не оспаривает. Речь может идти лишь о точном установлении объема этих трудностей и о выяснении экономической политики правительства, особенно в вопросе заработной платы. Теперь уже признано, что опубликование 5 термидора Парижской коммунальной заработной платы довело недовольство народа до крайнего предела и сыграло большую роль в пассивном отношении многих секций к событиям ночи с 9 на 10 термидора. Обнаружение документа о максимуме дает нам возможность по-новому осветить позицию, занятую Комитетом общественного спасения весной II года, и разобраться в том, на какой класс он опирался в своей социально-экономической политике после падения эбертистской Коммуны.

* * *

В сообщении, опубликованном в «Анналь историк де ла революсьон франсез», Альбер Матьез писал в 1927 году: «Было бы интересно найти этот новый максимум подневной платы, обнародованный Коммуной 5 термидора, и сравнить его с предыдущим тарифом. Я тщетно искал его»¹.

Однако экономист Леон Биоллэ утверждал в 1886 году в одной работе, правда редко упоминаемой в библиографиях, что он отыскал в Национальном архиве постановление Генерального совета Парижской коммуны от 21 мессидора II года, содержащее «таблицу заработной платы почти по всем профессиям!»² Это как раз и есть та таблица, которая была опубликована 5 термидора.

Три экземпляра этого документа, как нам известно, хранятся в Национальном архиве. Два экземпляра находятся в серии F12 (торговля и промышленность), папка 154430³. Они покрыты помарками, поправками и пометками на полях и являются частью досье, составленного для пересмотра максимума заработной платы от 5 термидора. Третий экземпляр, тот, с которым, по-видимому, ознакомился Биоллэ, хранится в коллекции Рон-донно под шифром AD XI 75⁴. Четвертый экземпляр, под шифром Lb40 1154 M*, находится в Национальной библиотеке⁵.

Документ представляет собой брошюру, без указания даты, объемом в 62 страницы, отпечатанную в четверть листа «в Париже, у граждан Никола и Дебриер, печатников Парижского муниципалитета» («A Paris, chez les citoyens Nicolas et Desbrieres, imprimeurs de la Municipalite de Paris») в форме извлечения из реестра постановлений Генерального совета Парижской коммуны, подписанного мэром Флёрю-Леско и секретарем-письмоводителем Ж. Флёрю. Отметим, что дата заседания не указана.

«Генеральный совет Коммуны, – гласит первая фраза этого документа, – во исполнение статьи VIII закона от 29 сентября 1793 года (см. статью) [следует текст статьи]⁶; заслушав сообщение о ставках, выплачивавшихся в 1790 году, постановил следующее...» Затем следует прежде всего «максимальный тариф заработной платы, почтучной оплаты, жалованья, сдельной оплаты, поденной платы на всей территории Парижской коммуны». Профессии в тарифе перечислены в алфавитном порядке; размеры заработной платы указаны в двух колонках: в одной – размер в 1790 году, в другой – максимальные ставки по новому закону, например

	Ставки 1790 года, ливы су денье	Максимум по новому закону, ливы су денье
Расклещик афиш (afficheur), за сотню афиш	— 18 —	1 7 —
Волочильщик (affineur), первый рабочий, в месяц	80 — —	120 — —

Далее следует тариф заработной платы для рабочих транспорта, сначала для тех, кто работает в портах (стр. 46), затем для тех, кто работает на рынках и базарах (стр. 59). Статья VI гласит: «Рабочие, работницы, возчики и другие рабочие обязаны придерживаться в том, что касается часов работы, правил, установленных Для каждой профессии в 1790 году». Наконец ввиду важности постановления статья VII предписывает послать для его оглашения в каждую из 48 парижских секций членов Генерального совета.

Анализ тарифа от 5 термидора позволяет не только точнее выяснить политику правительства в области заработной платы после падения Эбера и Шометта, но и пролить яркий свет на политику Коммуны в этом вопросе до жерминаля II года.

До закона от 29 сентября 1793 года о всеобщем максимуме размеры заработной платы устанавливались свободно⁷. Различные политические обстоятельства (в частности, падение жирондистов – сторонников имущих и экономической свободы), всеобщая мобилизация (levee en masse) и рост военного производства (первая сократила предложение рабочих рук, а второй значительно увеличил спрос на рабочие руки) привели начиная с июня 1793 года к улучшению положения рабочих и повышению заработной платы; само собой разумеется, оно было различным для разных профессий и, во всяком случае, не могло компенсировать роста цен на предметы первой необходимости.

Показательно, что если санкюлоты настойчиво требовали с начала 1793 года таксации цен на предметы первой необходимости, то требование таксации заработной платы было довольно редким явлением. Это объясняется, во-первых, тем, что среди санкюлотов было много мелких лавочников и хозяев ремесленных мастерских, для которых повышение

заработной платы не представляло, очевидно, никакого интереса. С другой стороны, рабочие опасались, что установление максимума заработной платы лишит их тех выгод, которые может дать применение максимума на предметы потребления. Они склонны были требовать не столько повышения заработной платы, сколько снижения цен на товары; это объяснялось не только их социально-экономическим положением, но и отсутствием профессиональной организованности. Отсутствие классового самосознания побуждало подмастерьев и рабочих скорее присоединиться к мелким лавочникам и ремесленникам, чем объединиться против хозяев.

Чтобы поддержать между заработной платой и ценами определенную разницу в пользу трудящихся, закон от 29 сентября 1793 года повысил заработную плату наполовину по сравнению со ставками 1790 года, в то время как цены были увеличены только на одну треть. Тем не менее установление максимума заработной платы должно было все же привести к сокращению того роста номинального заработка, которого рабочие добились в предыдущие месяцы.

Жорж Лефевр в своей книге «Крестьяне Севера во время революции» («Paysans du Nord pendant la Revolution») показал, что закон от 29 сентября привел в деревне к весьма значительному снижению заработной платы.

Боясь вызвать недовольство рабочих, эбертистская Коммуна так и не осуществила статью VIII закона от 29 сентября. Она проявила так мало готовности составить общую таблицу таксации поденной платы, что пала, так и не опубликовав ее⁸. Историки, занимавшиеся этим вопросом, и в частности Альбер Матьез в своей книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», говорили об этом максимуме заработной платы, не приводя доказательств его существования. «Журналь де ла Монтань», как и «Монитор», не содержат никаких сведений по этому вопросу. Когда полицейские наблюдатели, в частности Гривель и Сире, негодуют в связи с чрезмерными, по их мнению, требованиями рабочих, они ссылаются не на ставки, установленные несуществующей таксой, а на ставки, «применявшиеся раньше». Рабочие, занимающиеся доставкой леса, пишут они, требуют о ливров за одну повозку дров, «которая раньше стоила 1 ливр 4 су». Рабочий, «получавший только 4 или 5 ливров в день», требует теперь 20 или 24 ливра; поденщик не стыдится требовать 100 су за работу, которая оплачивалась 10 су «год тому назад»⁹. Несомненно, если бы существовало постановление Коммуны, устанавливавшее максимум заработной платы, эти полицейские наблюдатели, мелкие чиновники со скромным жалованьем, завидовавшие рабочим, не упустили бы случая позлорадствовать, сравнивая фактически получаемую рабочими заработную плату со ставками, установленными таксой.

Парижская коммуна, несомненно, не была одинокой, рассматривая как мертвую букву статью VIII закона от 29 сентября 1793 года, обязывавшую генеральные советы установить максимум заработной платы. Если муниципалитеты городов, в которых господствовала буржуазия,

проявили, как это показал Жорж Лефевр для севера Франции, больше готовности составить таблицу подневной платы, чем сельские муниципалитеты, то города, в которых давление санкюлотов было сильнее, познакомились с ней, вероятно, не раньше весны II года. Поэтому ввиду невыполнения закона многими генеральными советами Комитет общественного спасения предписал 22 прериаля национальным агентам составить максимум заработной платы согласно установленным правилам¹⁰. Наконец, примечателен тот факт, что постановление Парижской коммуны от 21 мессидора, установившее максимум заработной платы, опубликованный 5 термидора, не содержит никаких ссылок на предыдущую таксу, которую она должна была бы отменить, публикуя новую таксу. Постановление упоминает только о статье VIII закона от 29 сентября и принимает в расчет лишь ставки заработной платы, «которые выплачивались в 1790 году».

Таким образом, под давлением санкюлотов эбертистская Коммуна проводила благоприятную для трудящихся и потребителей политику, строго применяя максимум на предметы потребления и оставаясь безучастной в вопросе установления максимума заработной платы вплоть до полного игнорирования предписаний закона. Принимая во внимание ее классовую позицию, понятно, с каким удовлетворением встретили ее падение имущие и производители.

После казни 4 жерминаля группы кордельеров и спустя двадцать дней — Шометта, после чистки эбертистской Коммуны, после того, как движение санкюлотов было остановлено, а затем подавлено, новая позиция Революционного правительства сказалась и на политике в области заработной платы. Стремясь восстановить то непрочное равновесие, на котором они основывали свои действия, правительственные комитеты начали проводить политику, благоприятную для имущих и производителей, перекадывая тяготы на плечи трудящихся и потребителей. Подобно тому, как Комитет общественного спасения пытался оживить торговлю путем ослабления системы контроля и репрессий¹¹, так же он старался восстановить в пользу хозяев и традиционное социальное равновесие, которое, казалось, было на какое-то время нарушено в пользу санкюлотов. В этой области классовые предубеждения правительственных властей окончательно восторжествовали.

Эта политика, которая должна была еще более углубить пропасть, вырытую вантозовской драмой между санкюлотами и Революционным правительством, нашла сначала свое выражение в твердо проявленной воле подавлять все выступления рабочих, а затем, 5 термидора, в опубликовании максимума заработной платы. Если упорный отказ робеспьеристской Коммуны согласиться на повышение заработной платы вызвал недовольство санкюлотов, то тариф 5 термидора возмутил их и побудил к действию. Речь шла уже не о том, чтобы остановить рост

заработной платы; новый тариф, строго следуя статье VIII закона от 29 сентября 1793 года, значительно сокращал существующие ставки.

После жерминаля волнения рабочих, требовавших увеличения заработной платы, возобновились. Они были вызваны новым ростом цен на продукты питания. Опубликование общего максимума цен на продукты питания, которого с большим нетерпением ожидали санкюлоты, горько разочаровало их. «Ожидают с нетерпением нового максимума», — сообщали 4 и 5 жерминаля полицейские наблюдатели в Париже, доносившие спустя несколько дней о недовольстве народа. «Максимум в центре всеобщего внимания, — сообщалось в донесении от 9 жерминаля, — как правило, считают, что хотели создать благоприятные условия для торговцев, а не для народа»¹². Речь идет о том, заявил 14 вантоза Барер, чтобы оздоровить торговлю, а не убить ее¹³. Таблицы, составленные Конседье, временным национальным агентом Парижского департамента (взамен Люлье), смягчили строгости закона. Новые цены были выше тех, которые установил первый максимум. Сверх того, неблагоприятным для санкюлотов был порядок применения нового максимума: с изменением 9 жерминаля закона о спекуляции упразднились комиссары по борьбе со спекуляцией, которые следили за точным соблюдением таксы на продукты¹⁴. Отныне можно было безнаказанно нарушать закон о максимуме на продукты. Национальный агент Пейян ответил членам Коммуны, сообщившим 1 мессидора о многочисленных нарушениях таксы, что он не видит никакого другого средства для устранения этого зла, как только предложить самим гражданам указывать нарушителей полицейским комиссарам соответствующих секций¹⁵. Власти становились, таким образом, причастными, хотя бы до известной степени, к нарушению закона.

Понятно, что для восстановления равновесия трудящиеся потребовали увеличения заработной платы. Волнения вспыхнули с начала флореаля¹⁶. Мы не намерены подробно описывать их здесь, укажем лишь на твердое решение и желание властей сохранить стабильность заработной платы, что еще более нарушало равновесие, так как применение максимума на продукты питания благоприятствовало производителям и торговцам и резко противоречило политике эбертистской Коммуны. Полицейские репрессии были ответом на требования рабочих. Когда 2 флореаля депутация рабочих табачной мануфактуры Робийяра явилась в Генеральный совет Коммуны, сопровождаемая приблизительно 200 рабочими, Пейян потребовал применения закона Ле Шапелле о профессиональных объединениях. Дело было передано полицейским властям, которые на следующий день произвели пять арестов¹⁷. Грубый характер этих репрессий привлек внимание правительства. Сен-Жюст пометил на полях отчета полицейского бюро от 5 флореаля: «Написать полиции, дабы выяснить зачинщиков сборища и законность требований, указав ей, что следует прежде всего устранять причины сборищ и оказать

справедливость тому, кто заслужил ее»¹⁸. Волнения с тех пор не прекращались. 4 флореаля собрались рабочие-штукатуры, решившие подать петицию Национальному Конвенту¹⁹. 13 флореаля муниципальные власти решили положить конец требованиям подмастерьев-пекарей, издав постановление, согласно которому каждый пекарь-подмастерье, который потребует заработной платы, превышающей установленную законом (без уточнения размера этой заработной платы), а также дополнительного мясного пайка или оставит службу у хозяина, не предупредив его за месяц вперед, будет рассматриваться как подозрительный со всеми вытекающими отсюда последствиями²⁰. 18 флореаля подмастерья колбасного производства устроили манифестацию перед Генеральным советом Коммуны²¹. Волнения охватили тем временем и рабочих на пристанях. «Одна корысть, — сообщается в рапорте полицейского бюро от 14 флореаля, — является причиной этого беспорядка»; поденщики заявили, что торговцы лесом не хотят платить им плату, которой они требуют, «наоборот, они хотят ее уменьшить». 17 или 18 поденщиков были арестованы в этот день и еще двое — 16 флореаля, на набережной Рапе²².

Упорство и размах этих движений, которые охватили самые различные отрасли производства, до такой степени обеспокоили правительственные комитеты, что они побудили Конвент принять 15 флореаля декрет о мобилизации «всех лиц, участвующих в производстве, перевозке и сбыте продуктов и товаров первой необходимости»; общественному обвинителю Революционного трибунала было предписано преследовать в судебном порядке лиц, «которые образуют преступные коалиции, препятствующие снабжению народа продуктами»²³. На следующий день муниципальные власти обратились к рабочим с угрожающей прокламацией: «Злонамеренные лица распространили среди рабочих, занятых производством предметов первой необходимости, дух мятежа и неповиновения, который законы революции карают смертью. Мы видим, что одновременно табачники, булочники, сортировщики, сплавщики леса и штабельщики потребовали от своих работодателей поденной платы, превосходящей нормы, установленные законом; они организуют незаконные сборища, угрожают прекратить работу и даже бросить ее вовсе». Муниципалитет угрожал привлечь к суду всех тех, «кто вопреки закону бросит работу, которая должна быть им тем более дорога, что она необходима для существования общества»²⁴.

Решительная позиция, занятая властями, угроза прибегнуть к жестоким репрессиям остановили рабочих. Волнения рабочих утихли в конце флореаля — начале прериала. Возмущение, вызванное покушениями на Робеспьера и Колло-д'Эрбуа, чрезвычайно подняло революционный пыл санкюлотов и на время отвлекло их внимание от проблем повседневного существования. Когда возбуждение улеглось, вновь вспыхнули волнения, поскольку трудности не исчезли. Волнения продолжались вплоть до

термидора и в большой мере содействовали возникновению общего кризиса, приведшего к падению Революционного правительства.

Особенно опасным было усилившееся к середине прериала недовольство среди рабочих, подвергшихся мобилизации (requisition) и занятых тем или иным образом в военном производстве. Строго ограниченные в своих действиях, находясь под постоянным надзором правительственных агентов, они не могли покинуть в индивидуальном порядке мастерские, чтобы добиться увеличения размеров своей заработной платы, установленной законом. Они могли прибегнуть только к коалиции и к стачке, но в этом случае они подпадали под действие закона. Волнения рабочих, занятых на военном производстве (совпавшие в вантозе с общим движением санкюлотов и с попыткой восстания, предпринятой руководителями Клуба Кордельеров), возобновились в середине прериала. Правительство прибегло к репрессиям. 19 прериала Комитет общественного спасения приказал арестовать вожakov.

23 прериала революционный комитет секции Гренельского фонтана отправил в тюрьму Луи Барра «как возмутителя и подозреваемого в том, что он отказался следовать закону об оплате рабочих-оружейников мастерских Якобинского клуба», а 24-го арестовал двух рабочих «оружейной мастерской фирмы Зне, улица Доминик, обвиненных в том, что они были зачинщиками беспорядков в этой мастерской»²⁵. 22 прериала Барер представил Конвенту доклад о движении на предприятиях по изготовлению ассигнатов, пороха и оружия. Прибегнув к суровым мерам, полиция вовремя подавила его; три зачинщика были арестованы в мастерской ассигнатов; 21 прериала некоторые рабочие порохового завода, решившие кончить работу до установленного срока, были отправлены в тюрьму. Заслушав это сообщение, Конвент поручил общественному обвинителю при Революционном трибунале привлечь к суду «контрреволюционеров, чинивших преступные козни в мастерских по изготовлению ассигнатов, оружия, пороха и селитры», которые он (Конвент) подчинил непосредственному наблюдению Комитета общественного спасения²⁶. В то время как правительственные власти вступили на путь репрессий, муниципальные власти решили снизить заработную плату. 19 прериала муниципалитет издал постановление, согласно которому заработная плата рабочих, занятых на складах, устанавливалась в размере 3 ливров в день, хотя на двух складах из трех рабочие получали по 4 ливра. Несмотря на протесты, муниципалитет оставил в силе свое постановление²⁷. 25 прериала в докладе муниципалитету об упразднении выставок товаров можно прочесть следующие слова, раскрывающие намерение властей в отношении заработной платы: «В наших мануфактурах не хватает рабочих рук, в связи с богатым урожаем они потребуются повсюду [...], необходимо, чтобы женщины, заполнив наши мастерские, взяли в руки иглу, кардоленты,

веретено, чтобы они занялись обработкой сырья... Только увеличив число рабочих, мы сможем сократить чрезмерную плату за рабочие руки»²⁸.

В конце прериаля рабочие волнения охватили уже многие отрасли производства. Рабочие-плотники многих мастерских потребовали увеличения заработной платы. Так, 24 прериаля все рабочие-плотники предприятия Луи Баллю, улица Гранж-о-Бель, получавшие 6 ливров в день, потребовали 8 ливров, угрожая, что в противном случае «все поголовно» покинут мастерскую. 30 прериаля такое же требование предъявили плотники мастерской Пьера Кантине, в предместье Мартэн. 1 мессидора 8 подмастерьев-плотников покинули мастерские Кемпфта и Пуйе, после того как их требование о 8 ливрах оплаты в день было отвергнуто. Перед лицом этого общего движения предприниматели, выполнявшие заказы Республики, заявили, что они более не могут нести ответственности за задержку в исполнении переданных им заказов. Некоторые заявили, что они согласились на требуемую прибавку, дабы выполнить свои обязательства перед правительством, но рассчитывают, что в результате их заявления их «освободят от чрезмерно строгого соблюдения максимума»²⁹. Требования рабочих отразились, таким образом, на работах, связанных с национальной обороной. Согласно докладу Полицейского бюро от 30 прериаля, революционный комитет секции Попэнкур заявил, что он не может обеспечить выполнение (работ, предпринятых по заказу Республики, ввиду «непомерных прибавок», требуемых рабочими³⁰. Аналогичные жалобы направили 11 мессидора Комиссии по земледелию и ремеслам административные власти Парижского департамента: рабочие, занятые на работах департамента, отказывались работать за 48 су (ставка, установленная для чернорабочих) и требовали 3 ливра 15 су и сокращения рабочего дня³¹.

Рабочие волнения не прекращались в течение всего мессидора. 7 мессидора революционный комитет секции Кэнз-Вэн вновь доносил Полицейскому бюро на подмастерьев-плотников, «требующих слишком высокой платы от подрядчиков, у которых они работают». Тот же комитет клеймил 11 мессидора «корыстолюбие носильщиков и возчиков, требующих чрезмерной платы, и торговцев, припрятывающих свои товары от того, кто хочет платить за них по максимуму»; трудящиеся тем более настойчиво требовали увеличения заработной платы, что максимум на продукты питания не соблюдался³². Доклад Полицейского бюро Комитета общественного спасения от 18 мессидора указывал на донесение парижских фабрикантов фаянсового производства. Их рабочие решили прекратить работу, «пока им не будут платить вдвое больше, чем в 1790 году, угрожая тем, кто не подчинился бы их решению». Сен-Жюст пометил на полях этого доклада: «Переслать общественному обвинителю при Революционном трибунале»³³.

Это движение рабочих должно было еще более распространиться, ибо некоторые наниматели предпочитали удовлетворить требования своих

рабочих, чем потерять рабочую силу. Революционный комитет секции Попэнкур сообщал о случае с одним рабочим, который оставил свою мастерскую, узнав, что в соседней мастерской дневной заработок был повышен с 7 до 8 ливров. Революционный комитет секции Муция Сцевола объяснял волнения, имевшие место в некоторых мастерских, повышением заработной платы, которого добились рабочие других мастерских³⁴. Движение затронуло даже рабочих типографии Комитета общественного спасения. 19 мессидора Комитет распорядился арестовать трех служащих типографии Бюллетеня законов, обвиненных в том, что они «силой принудили своих товарищей прекратить работу до установленного часа и до того, как было выполнено порученное им дело»³⁵.

Таким образом, волнения рабочих, упорно требовавших повышения заработной платы, продолжались, принимая тем более опасный характер, что они совпадали с ростом политического недовольства и волнений санкюотов, вызванных реакционными мерами, направленными против их организаций³⁶.

Ответ административных и правительственных властей был один — репрессии. В одном из своих докладов в мессидоре Пейян запрашивал Полицейское бюро Комитета общественного спасения, не должен ли он привлечь к суду Революционного трибунала мобилизованного рабочего, бросившего свою работу «под тем предлогом, что он недостаточно зарабатывает»³⁷. И в этой атмосфере недовольства, еще более усилившегося в результате репрессий, был опубликован 5 термидора максимум заработной платы.

Чтобы точно определить значение этого максимума, нужно было бы сравнить его с предыдущим тарифом. Но поскольку он не был издан, приходится обратиться к отрывочным данным, которые удалось почерпнуть то тут, то там. В результате мы получили приведенную ниже таблицу, дающую нам приблизительное представление об эволюции заработной платы для некоторых профессий за несколько месяцев, предшествовавших 9 термидора.

Сопоставление этих цифр весьма красноречиво. Тариф, опубликованный 5 термидора, снижал в обязательном порядке размер заработной платы трудящихся, и притом иногда весьма значительно. Так, заработок первоклассного плотника снижался с 8 ливров до 3 ливров 15 су, кузнеца или сборщика (ajusteur) оружейных мастерских — с 10 ливров 10 су до 6 ливров или 5 ливров 5 су.

Когда к политическому недовольству парижских секций (начало которому было положено в жерминале) прибавилось недовольство максимумом заработной платы от 5 термидора, разлад между санкюотами и Революционным правительством еще более усилился. В момент, когда кризис достиг своей высшей точки, робеспьеристские власти Парижской коммуны лишились необходимой поддержки народа.

Отрасли производства	Заработная плата			
	1790 год ¹	Вантоз II года	Мессидор II года	5 термидора II года
<i>I. Строительные работы</i>				
Плотники (первого класса)	2 ливра 10 су	6 ливров ²	8 ливров ³	3 ливра 15 су
Каменотесы (занятые на постройке Пантеона)	1 ливр 16 су ⁴	4 ливра 5 су ⁵ 5 ливров		3 » 3 » 8 »
Укладчики (работающие там же)	2 ливра 5 су	4 ливра 5 су 5 ливров		3 » 8 » 3 » 15 »
Каменщики (работающие там же)	1 ливр 12 су 1 » 16 су	3 ливра 10 су 4 » 5 су		2 » 8 » 2 » 14 »
Рабочие по установке лесов (занятые там же)	1 » 18 су	3 » 10 су 4 » 5 су		2 » 17 »
Тачечники (занятые там же)	1 » 12 су	3 » 3 » 10 су		2 » 8 »
Чернорабочие (занятые там же)	1 ливр 8 су	3 ливра 3 » 10 су		2 » 2 »
<i>II. Оружейные мастерские</i>				
Первый класс ⁶	3 ливр 10 су 4 »		16 л. 10 су ⁷	5 ливров 5 су 6 »
Второй класс	2 » 10 су		8 » 5 су	3 ливра 15 су
Чернорабочие	1 ливр 16 су		3 ливра	2 » 14 су

	1790 год	нивоз — плювиоз	преиналь — мессидор	термидор	5 термидо
<i>III. Разные</i>					
Щеточники ⁸	2 л. 10 су		3 л. 15 су 5 ливров	5 ливров 6 л. 13 су	3 л. 15 су
Подмастерья-булочники	4 ливра 6 ливров	15 ⁹ ливров			6 ливр 9 »
Возчики . . .	1 л. 12 су	7 л. 4 су ¹⁰			2 л. 8 су
Рассыльные (среднее расстояние) . .	10 су	5 ливров ¹¹			15 су
Доставка повозки дров		8 су ¹²			3 ливр
Трубочисты (за каждую трубу)	6 су 8 су	18 су 24 су			9 су 12 су

О недовольстве, охватившем рабочих тотчас же после опубликования нового тарифа заработной платы, свидетельствуют меры предосторожности, которые робеспьеристская Коммуна сочла необходимым принять. 7 термидора Анрио уведомили, что «многие рабочие, по-видимому введенные в заблуждение врагами народа, покинули свои мастерские»⁴⁹. 9 утром Флёрю-Леско, мэр Парижа, приказал вызвать на следующий праздничный день вооруженные силы, «особенно необходимые в данное время, когда злонамеренные лица могли бы воспользоваться объявлением максимума заработной платы рабочих, чтобы ввести в заблуждение некоторых граждан»⁵⁰. В самый день 9 термидора рабочие, равнодушные к развернувшейся политической борьбе или не знавшие ничего о ней, выражали свое недовольство новым максимумом. В секции Единства около 3 часов пополудни наблюдалось «какое-то волнение среди каменщиков и каменотесов, работавших на постройке селитрового завода, которое было вызвано обнаружением максимума новых ставок заработной платы, опубликованного Коммуной 6 [5] числа этого месяца»⁵¹. Около 4 часов, в то время как Конвент выносил постановление об аресте Робеспьера, на площади Ратуши собралась толпа рабочих; «причиной этого, как говорили, был максимум заработной платы рабочих»⁵². Услышав около того же часа, как били сбор, писал позднее

Фукье-Тенвиль, я послал узнать, в чем дело; «мне ответили, что это по случаю собрания портовых рабочих из-за максимума»⁵³. Робеспьеристские власти Коммуны начали «в конце концов отдавать себе отчет в политическом значении этих рабочих манифестаций. Около 8 часов вечера в прокламации к парижскому населению, подписанной Флёрю-Леско, Коммуна возложила ответственность за постановление о максимуме от 5 термидора на Барера. «Этот Барер, примыкавший по очереди ко всем группировкам, распорядился установить такую заработную плату для рабочих, чтобы уморить их голодом»⁵⁴. Но было слишком поздно...

«Мессажер дю суар» от 14 термидора сообщал, что рабочие отнеслись «с неприязнью к мятежным членам муниципалитета во время их следования на площадь Революции, в шутку называя их «чертов максимум»⁵⁵. Такое значение придавали в действительности в тот момент рабочие падению Робеспьера и робеспьеристской Коммуны. Считая, что Робеспьер и его друзья препятствовали осуществлению их требований и поддержанию уровня их жизни, рабочие потребовали после устранения Робеспьера пересмотра тарифа от 5 термидора. С 11 или 12 термидора подмастерья Пьера Рамоссэна, мастера-щеточника, улица Дени, объединились, чтобы добиться увеличения заработной платы. «И вот теперь максимум в мусорной корзинке», — заявил один из них⁵⁶.

Термидорианские власти демагогически истолковывали события таким же образом. Комитет общественного спасения обратился 12 термидора с прокламацией «к рабочим Парижа относительно максимума заработной платы». Он признал большинство протестов «справедливыми и обоснованными, так как в основу этого максимума не был положен максимум продуктов питания и предметов первой необходимости», и обещал немедленно заняться «внесением необходимых исправлений, с тем чтобы оплата рабочего дня находилась в определенном соответствии с ценами на предметы питания»⁵⁷. Комитет требовал от рабочих вернуться в их мастерские и приняться за работу: еще одно доказательство, что движение протеста усилилось после 9 термидора. 13 термидора применение тарифа от 5 термидора было прекращено. «Если бы не хватало доказательств контрреволюционности триумвиров, достаточно было бы этого тарифа. Низкие ставки заработной платы, устанавливаемые тарифом, момент, выбранный Коммуной для его опубликования — за несколько дней до падения заговорщиков, — не доказывают ли они с очевидностью заранее обдуманного намерения возбудить движение в Париже?»⁵⁸

Правительственные власти тем временем распорядились о пересмотре тарифа от 5 термидора. Бюро максимума Агентства максимума и внутренней торговли предприняло опрос для выяснения размеров фактически выплачиваемых ставок и выслушало 15 термидора предпринимателей различных отраслей производства. Их показания совпали; действительные ставки в общем значительно превышали

теоретические ставки максимума. Редакторы быстро справились с работой, 22 термидора они передали свой доклад и пересмотренный тариф⁵⁹ Комитету общественного спасения через посредство Комиссии торговли и снабжения, от которой зависело Агентство максимума. Часть работы была тотчас же опубликована; 28 термидора Комитет общественного спасения вынес постановление о «Максимуме заработной платы и поденной платы рабочих и служащих мостов, набережных и пристаней на всем протяжении Коммуны Парижа»⁶⁰. Что касается тарифа для других категорий работников, то 9 фрюктидора Лэнде составил от имени Комитета общественного спасения доклад и проект декрета на основе предложений Бюро максимума для передачи Конвенту. 24 фрюктидора доклад, проект декрета и таблица пересмотренного тарифа были переданы Комитету торговли Конвента, который в тот же день обсудил их и решил передать дело на бюро, чтобы все члены Комитета могли с ним ознакомиться. 28 фрюктидора Бюро максимума передало еще ряд документов из досье Комитету торговли⁶¹.

Работа Бюро максимума по пересмотру тарифа заслуживает внимания. Доклад Комитету общественного спасения начинается с критики методов составителей тарифа от 5 термидора. Чтобы установить размеры оплаты рабочих первого класса, они взяли за основу заработную плату рабочих третьего и даже четвертого класса. Совершенно по-другому подходили к этому вопросу при пересмотре тарифа: «Поденные ставки для рабочих в этом новом тарифе были составлены из расчета существующей стоимости продуктов питания, особенно овощей и фруктов, которые являются одним из главнейших продуктов потребления рабочих». Составители особенно интересовались рабочими, получавшими самую низкую плату, она была увеличена, так как «их нужды превышают доходы, которые были для них ранее определены [предыдущим тарифом]». С другой стороны, оплата рабочих первого класса была увеличена не столь значительно, «так как рабочие, зарабатывающие 6 ливров в день, не имеют оснований жаловаться, ибо подобный заработок соответствует их работе и может покрывать все их расходы». Наконец, в пересмотренный тариф не были включены рабочие, занятые на производстве нетаксированных изделий, «по той простой причине, что фабриканты и торговцы, сохранившие или вновь получившие право продавать свои товары по вольной цене, не могут требовать, чтобы была установлена такса для граждан, нанятых ими для производства этих товаров». Вследствие этого новый тариф содержал только 43 статьи ставок заработной платы, «размеры которой были установлены в соответствии с выполняемым трудом, необходимыми расходами и с учетом дороговизны продуктов в Париже». Так далеко отошли составители от буквы и духа статьи VIII закона от 29 сентября 1793 года.

Таким образом, по сравнению с тарифом от 5 термидора пересмотренный тариф от 22 термидора значительно увеличивал

заработную плату, что можно проиллюстрировать следующими цифрами, если взять категории рабочих, уже приводившиеся нами выше.

	5 термидора		22 термидора	
Плотники (первого класса)	3 ливра	15 су	5 ливров	
Каменотесы (то же)	3 »	8 »	5 »	
Укладчики (то же)	3 »	15 »	6 »	
Каменщики (то же)	2 »	14 »	4 ливра	
Тачечники	2 »	8 »	3 »	
Чернорабочие	2 »	2 »	3 »	10 су
Оружейные мастерские:				
Первый класс	6 ливров		7 ливров	
Второй класс	3 ливра	15 су	5 »	
Возчики	2 »	8 »	3 ливра	5 су
Трубочисты	—	9 »	—	12 »
		12 »	—	16 »

Подобное же повышение заработной платы можно отметить и для других отраслей производства:

	5 термидора		22 термидора	
Шорники и седельники:				
подмастерья-закройщики	4 ливра	10 су	6 ливров	
тачальщики	3 »	15 »	5 »	
поденщики	3 »		4 ливра	
седельники	3 »		4 »	
Каватчики:				
подмастерья	2 »	14 су	3 »	15 су
Жестящики:				
первого класса	4 »	10 »	5 ливров	10 »
второго класса	3 »	15 »	5 »	
третьего класса	3 »		4 ливра	
четвертого класса	2 »	5 »	3 »	10 »

Подобное же повышение заработной платы можно отметить и для других отраслей производства:

Сыромятники:			
рабочие	2 ливра	8 су	4 ливра 10
Столяры:			
начальники мастерских	5 ливров	5 »	6 ливров 10
подмастерья (первого класса)	3 ливра	15 »	5 »
подмастерья (второго класса)	3 »	8 »	4 ливра 10
Продольные пильщики	3 »	15 »	8 ливров
Корзинщики:			
подмастерья	3 »		4 ливра

Ставки заработной платы, указанные в тарифе от 22 термидора, имеют документальную ценность: они действительно применялись. Они указаны на полях отпечатанного экземпляра тарифа от 5 термидора, находящегося в досье, с указанием во многих случаях адреса предприятия, на котором применялись эти ставки. Так, например, для столяров — «Мртрей (?), улица Антуан», для табачных рабочих — «Фелипон, табачная мануфактура в Гро-Кайю, Робийяр, дом Лонгвиль». Тариф от 22 термидора только санкционировал фактическое положение вещей. Таким образом, он сохранил преимущества, завоеванные рабочими.

Этим и объясняется тот факт, что он никогда не был декретирован. Доклад, проект декрета и таблица максимума остались в бумагах Комитета торговли. Реакция быстро увлекла за собой Конвент. В сентябре 1793 года он принял максимум только под давлением санкюлотов. Избавившись теперь от него, он вернулся к либерализму. После того как Революционное правительство было обезглавлено и было восстановлено социальное и политическое господство имущих и производителей, таксации пришел конец. Максимум на продукты был отменен в свою очередь 4 нивоа III года. Цены на продукты питания пережили головокружительный взлет. Санкюлоты были доведены до крайней нищеты. Когда они восстали в жерминале и прериале III года, они потребовали восстановления такс.

Напоминая об этих фактах, Альбер Матьез подчеркивает, что парижским рабочим была свойственна «исключительная забота об их особых интересах и в то же время им недоставало политического воспитания»⁶². Это бесспорно, однако важно также отметить политическую ошибочность таких мер робеспьеристской Коммуны, как репрессии против рабочих и опубликование 5 термидора максимума заработной платы. Эти меры свидетельствуют о том, что Робеспьер и его группа не понимали экономических проблем, что они оказались неспособными составить последовательную социальную программу. Но могли ли они ее разработать?

Не следует упускать из виду, что революция, которой руководил Комитет общественного спасения, оставалась буржуазной революцией. Будучи вынужденным для ведения национальной войны установить под давлением народных масс таксу на продукты, которые поставляли собственники средств производства, Комитет счел необходимым установить таксу и на заработную плату, входящую в себестоимость продуктов. Политика эбертистской Коммуны в области заработной платы склонила чашу весов в пользу трудящихся и потребителей, рискуя нарушить равновесие. После ее падения Комитет общественного спасения постарался восстановить положение. Денежные нужды и потребности национальной обороны заставляли его остановить рост заработной платы, иначе ему пришлось бы увеличить также и цены на военные поставки.

Робеспьеристские власти, публикуя максимум заработной платы от 5 термидора, отвечали, таким образом, на требования буржуазной революции. Но тем самым они отталкивали от себя санкюлотов, и это как раз в тот момент, когда наступление буржуазии, жаждущей сбросить ярмо, делало поддержку санкюлотов необходимой как никогда. Робеспьеристы заплатили смертью за неизбежные противоречия своей политики.

1 Albert Mathiez, *Le maximum des salaires et le 9 thermidor*, «Annales historiques de la Revolution française», 1927, p. 149. Цитируется по Michel Eude, *Etudes sur la Commune robespierriste*, p. 137, n. 3.

2 Leon Biollay, *Etudes economiques sur le XVIIIe siecle. Les prix en 1790* (Bibliotheque nationale, Lb39 11364, in-8°). См. главу первую — Заработная плата. Автор ссылается, впрочем неясно, на материалы Национального архива (Archives nationales, AD II BI). Так как классификация коллекции Рондонно (Rondonneau) была с тех пор изменена, этого шифра более не существует. Напомним, что ни «Журнал де ла Монтань», ни «Монитор» не упоминают ни о постановлении от 21 мессидора, ни о публикации 5 термидора.

3 Упоминание об этой папке имеется в «Etat sommaire des versements faits aux Archives nationales par les ministeres...», tome II, fascicule I, 1927: F12 1516 a 1544s5. Maximum: tableaux dressés en l'an II, correspondance (classement departemental), 154430 et 31, Paris.

4 Эта папка отмечена в рукописном инвентаре коллекции Рондонно, находящемся в бюро Национального архива [см. *Inventaire manuscrit de la collection Rondonneau* (partie posterieure a 1789), «maximum», subdivision XI (Commerce et Industrie)].

5 Этот документ указан Турне под номером 14736 в его «Bibliographic de l'histoire de Paris pendant la Revolution française», 1900, t.III, Deuxieme division, chap.VIII, §2, E.Fixation des prix et salaires.

6 «VIII. Максимум, или наивысший размер, заработной платы, Жалованья, сдельной или поденной платы со времени опубликования этого закона и до сентября следующего года повсеместно устанавливается генеральными советами коммун в тех размерах, какие существовали в 1790 году, с прибавлением сверх того еще половины этой цены» («Moniteur», XVIII, 6). [Русский перевод закона о всеобщем максимуме см. «Революционное правительство в эпоху Конвента», под ред. Н.М.Лукина, М., 1926, стр.191–192; «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII– XIX вв.», под ред. П. Н. Галанзы, М., 1957, стр. 357–360.]

7 См. A.Mathiez, *La vie chere et le mouvement social sous la Terreur*, Paris, 1927, ch.X, partie III (A.Матъез, *Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора*, М.–Л., 1928). 2 В своей петиции от 25 июня 1793 года, которую во многих отношениях следует рассматривать не как манифест «бешеных» (Albert Mathiez, *Annales revolutionnaires*, 1914, VII, 547), а как манифест санкюлотов, Жак Ру не упоминает о максимуме заработной платы. Этого максимума, напротив, требовала секция Санкюлотов в своей петиции от 2 сентября 1793 года, но с тем, чтобы одновременно были регламентированы «промышленная прибыль» и «доходы от торговли» (Bibliotheque nationale, Lb40 2140, in-8°).

8 Само собой разумеется, что речь идет здесь об общей таблице Максимума, которую, согласно статье VIII закона от 29 сентября 1793 года, обязаны были составить генеральные советы коммун (а не о частных тарифах, устанавливаемых в силу закона для той или иной профессии, особенно для рабочих, занятых на предприятиях, контролируемых правительством).

9 Отчеты Гривеля от 13–14 и 28 нивоа; отчет Сире от 3 плювиоза II года (Archives nationales, F7 36883, Fu 201). См. Albert Mathiez, *op.cit.*, p.586 (русское издание, стр.439-440).

10 См. Leon Biollay, *op.cit.*

11 Новая экономическая политика нашла свое выражение в начале жерминаля в роспуске революционной армии, в упразднении комиссаров по борьбе со спекуляцией, в пересмотре закона о скупщиках. О новой ориентации в области внешней торговли см. Georges Lefebvre, *Le commerce exterieur en l'an II* (La Revolution française, 1925, LXXVIII, 132 et 214).

12 Archives nationales, Flc III Seine 13. См. Michel Eude, *Etudes sur la Commune robespierriste*, p. 115. См. также отчеты наблюдателя Бакона (Archives nationales, W 174). 7 жерминаля рабочие заявили, «что цены на предметы первой необходимости, особенно на мясо, установлены слишком высокие и что все это послужит на пользу только богатым». 8 жерминаля один рабочий оружейного завода жаловался: «Все кончено, мы теперь еще более нищие, чем раньше, так как на наши деньги нельзя ничего купить. Придется подышать с голоду. Нас дурачат красивыми словами».

13 «То, что мы хотим сделать, — это оздоровить торговлю, которая стала теперь ростовщической, монархической и контрреволюционной. Но ее надо лечить, а не убивать» («Moniteur», XJX, 631).

14 «Moniteur», XX, 91.

15 «Moniteur», XXI, 44.

16 О рабочих волнениях после жерминаля II года см. Albert Mathiez, *La vie chere et le mouvement social sous la Terreur*, p. 585 (русский перевод, стр. 443 и ел.); Arne Ording, *Le Bureau de police du Comite de sflrete generale*, p. 74; Michel Eude, *Etudes sur la Commune robespierriste*, p. 132. Мы приводим по этому вопросу целый ряд новых документов, в частности материалы из алфавитной серии фондов Комитета общественной безопасности (Archives nationales, F7).

17 Archives nationales, W 124, rapport de la surveillance de policfe, esprit public. 3 floreal an II; «Moniteur», XX, 302. Мы отыскивали материалы о двух арестованных, а именно о Франсуа Бертроне, секция Французских гвардейцев, и о Гюи, секция Бонн-Нувель (Archives nationales, F7 4597, pi.1, p.2, et F7 4737). Причина ареста: «За то, что приняли участие в сборище табачных рабочих дома Лонгвиль и представили петицию Генеральному совету Коммуны с требованием увеличения заработной платы».

18 Archives nationales, F7 4437. Арне Ординг (Arne Ording, *op.cit.*, p.78) приводит только первую часть этой заметки и, таким образом, неточно передает мысль Сен-Жюста. По

этому делу см. также краткое изложение у Альбера Матьеза [Albert Mathiez, op.cit., p.590 (русский перевод, стр. 442)].

19 Archives nationales, W 124, rapport de la surveillance de police, esprit public, 5 floreal an II. Мы нигде не обнаружили никаких других упоминаний об этой попытке.

20 Archives nationales, W 124 et 170, rapports de la surveillance de police, esprit public, 12 et 15 floreal an II; «Moniteur», XX, 378.

21 «Moniteur», XX, 421.

22 Archives nationales, W 124 et 170, rapports de la surveillance de police, esprit public, 14 et 15 floreal, an II.

23 «Moniteur», XX, 382.

24 «Journal de la Montagne», 18 floreal an II, см. также Albert Mathiez, op. cit., p. 591 (русское издание, стр. 442–443), и Michel Eude, op. cit., p. 136. В «Монитёр» же мы не находим никакого упоминания. 14 флореаля Генеральный совет Коммуны обратился в президиумы общих собраний секций, предлагая им «разъяснить нашим братьям рабочим происки предателей, которые пытаются всеми способами нарушить гармонию, которая должна существовать между нами». Власти не хотели бы оказаться перед Необходимостью применить «репрессивные меры, которые им предписывает закон, чтобы заставить братьев, уклоняющихся от исполнения своего долга, выполнить его» (Bibliothèque nationale, Ms., Anc. suppl. fr., 8606, f.165, extrait du registre des deliberations; никакого упоминания в «Монитёр»).

25 Archives de la Prefecture de police, A A/19, p.204 et 215.

26 «Moniteur», XX, 699.

27 Archives nationales, H 2121, Bureau du Corps municipal. Муниципалитет уступил в одном пункте. Постановление от 19 прериала входило в силу с 1 мессидора, в случае же обратного действия – с 11 прериала, как это было сначала оговорено. Заметим для сравнения, что в 1790 году приказчики магазина (бакалейных товаров) получали от 2 ливров до 2 ливров 5 су в день.

28 Archives nationales, H 2121, f. 19.

29 Archives nationales, F7 4585, pi.2, p.32, Declaration par differents charpentiers et entrepreneurs des travaux de la Republique, s.d., p.34, Declarations de Louis Ballu et de Pierre Quantinet, charpentiers, devant le juge de paix, 29 prairial et 5 messidor an II.

30 Archives nationales, F7 4437; цитировано у Arne Ording, op.cit., p.78.

31 Archives nationales, F10 451; цитируется у Albert Mathiez, op.cit., p.593 (русское издание, стр. 443–444).

32 Archives nationales, F7 3821; цитируется у Arne Ording, op.cit., p.78–79.

33 Archives nationales, F1 4437; цитируется у Arne Ording, op.cit., p.78. См. также Albert Mathiez, L'agitation ouvriere a la veille du 9 thermidor, «Annales historiques de la Revolution francaise», 1928, p.271.

34 Archives nationales, F7 3821.

35 Archives nationales, F7 4435; цитируется у Arne Ording, op.cit., p.79.

36 Упомянем хотя бы о роспуске по распоряжению правительственных властей секционных обществ. С жерминаля по прериальбыло распущено 35 обществ (см. их петиции в Конвент в серии С Национального архива).

37 Archives nationales, F7 3821, s. d.; цитируется у Arne Ording, op.cit., p.78.

38 Все цены 1790 года взяты из постановления о максимуме от 5 термидора. 3 Archives nationales, F 4662, d.I. Это заработная плата, «установленная законом».

39 Archives nationales, F7 4662, d.I; это заработная плата, которую требовали рабочие.

40 Archives nationales, F13 1137; заработная плата рабочих, занятых на постройке Пантеона в 1790 году.

41 Archives nationales, F13 1138; заработная плата рабочих, занятых на постройке Пантеона, установленная 15 вантоза II года Парижским департаментом.

42 Согласно постановлению о максимуме от 5 термидора, первый класс включал кузнецов и сборщиков (ajusteurs); второй класс – литейщиков и формовщиков (mouleurs).

43 Camille Richard, Le Comite de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur, p.720.

44 См. R.Cobb, Une coalition des gargons brossiers de la section des Lombards, «Annales historlques de la Revolution franchise», 1953, p.67.

45 См. R.Marion, Les lois du maximum et la taxation des salaires sous la Revolution, «Revue Internationale de sociologies, 1917, XXV, 485.

46 Согласно докладу Гривеля и Сире от 13–14 нивоza, «возчик... требует тройную плату за свою работу» [Albert Mathiez, op.cit., p.587 (русское издание, стр.439–440)].

47 «Рассыльные не стыдятся требовать 100 су за пустячную работу, за которую год назад 10 су были весьма щедрой платой» [Гривель и Сире, цитировано у Albert Mathiez, op.cit., p.587 (русское издание, стр. 440)]. Конечно, нужно быть очень осторожными и не принимать эти цифры в буквальном смысле слова.

48 Согласно Гривелю и Сире [Albert Mathiez, op.cit., p.586 (русское издание, стр.439)].

49 Archives nationaux, AF II 47, pi.368, p.38.

50 Archives nationales, AF II 48, pi.374, p.10.

51 Archives nationales, F7* 2507, f. 316; цитировано у Albert Mathiez, Le maximum des salaires et le 9 thermidor, «Annales historiques de la Revolution francaise», 1927, p.149.

52 Archives nationales, F7 4432; упоминается Альбером Матьезом в указанной статье. По поводу этого сборища см. также отчеты о событиях 9 и 10 термидора, представленные революционными комитетами секций Вооруженного человека, Попэнкур, Рынка, Братства и Ситэ (Archives nationales, AF II 47, pi.364–366).

53 Приведено Альбером Матьезом в упомянутой статье; см. «Le Deuxieme memoire justificatif de Fouquier-Tinville», publie par H.Fleischmann, Les requisitoires de Fouquier-Tinville, p.205.

54 Archives nationales, F7 4432, pi.I, fol.40.

55 Aulard, Paris sous la Reaction thermidorienne, I; упоминается у Альбера Матьеза в указанной статье.

56 Archives de la Prefecture de police, A A/163, section des Lombards, f. 297. См. R.Cobb, Une coalition des garcons brossiers de la section des Lombards, «Annales historiques de la Revolution francaise», 1953, p. 67.

57 Bibliothéque nationale, ms, F. fr., Nouv. acq., 2716, f.8, imp. in-folio piano.

58 Цитировано у Leon Biollay, op.cit.

59 Archives nationales, F12 154430, Tarif du maximum des salaires, facons, gages, mains-d'oeuvre, journées de travail dans l'étendue de la Commune de Paris, presente par la Commission du Commerce et des approvisionnements de la Republique au Comite de salut public le 22 thermidor l'an deuxieme; рукопись размером 36X24 см, 24 страницы, из которых две чистые, подписана: «Les commissaires, Jouenneault, Picquet».

60 Archives nationales, F12 154430, imprime in-folio piano. Этот документ содержит, помимо таблицы максимума, постановление (8 статей) Комитета общественного спасения от 28 термидора II года об опубликовании этого максимума и о мерах

наказания его нарушителей. Это постановление было опубликовано Оларом в его «Actes du Comité de salut public», XVI, 114, по черновой, незарегистрированной записи Лэнде (Lindet) (Archives nationales, AF II 80; таблица не приложена).

61 Эта таблица и постановление от 28 термидора были отпечатаны под тем же заголовком, что и документ, указанный выше, в форме брошюры в четверть листа, 16 стр. (Archives nationales, F12 154430).

62 Все эти документы содержатся в досье папки F12 154430 Национального архива.

63 Albert Mathiez, op.cit., p.606 (русское издание, стр.453).

[Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора](#)

[Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора](#)

[Ц.Фридланд. Девятое термидора](#)

[Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года - в связи с этими статьями возникла дискуссия в сообществе Vive Liberta](#)
[С.Коротков. К вопросу об оценке итогов финансовой политики Конвента / В сб. Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии](#)

[Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры](#)